

«Выигравшие» и «проигравшие» как конструкты доминирующего дискурса

Е.Н. ДАНИЛОВА*

*Данилова Елена Николаевна – руководитель, отдел теоретического анализа социальных трансформаций, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, к. 5. E-mail: endanilova@gmail.com.

В статье рассматривается конструирование «выигравших» и «проигравших» в ходе реформ как части доминирующего дискурса. Эта дихотомия является довольно распространенной в обсуждении социальных преобразований в постсоциалистических странах, но в данном случае рассматривается как интерпретация, навязанная господствующим дискурсом, который служит идеологической легитимации социального неравенства, сложившегося в процессе российской трансформации. Неолиберальный контент обеспечивает основу классификации «выигравших» и «проигравших».

Также обсуждаются механизмы господства и роль экспертного сообщества в формировании дискурса, который возник в дебатах о преобразованиях в постсоциалистических странах. Он связан с неолиберальным принципом «победитель получает все», который рутинизировался в повседневной жизни. Есть много социальных факторов, определяющих выигрыш, но складывающаяся гегемония редуцирует его и с искаженным представлением о «выживании сильнейших» относит только к материальному успеху. В статье утверждается, что язык «победителей» и «проигравших» упрощает и сводит к дихотомичной картине многообразные социальные явления и может иметь нежелательные последствия в смысле формирования общественных образцов поведения и линий размежевания. Классификация «победителей» и «проигравших» задает рамки игры с нулевой суммой. «Проигравшие» сконструированы как Другие и таким образом, что они вынуждены пассивно принимать предписанные роли. Однако эти конструкции не являются ни истинными, ни ложными, их сила заключается в конструировании социальных различий. Важно помнить, что и обществоведы в определенной мере также являются со-производителями символической социальной иерархии.

Ключевые слова: «выигравшие», «проигравшие», доминирующий дискурс, гегемония, неолиберализм, социальные трансформации, реформы, материальный успех

В российской социологической литературе, посвященной социальным трансформациям, исследователи долгое время избегали понятия «идеология». Многим казалось, что наступил «конец истории, конец идеологии». После распада СССР слово «идеология» на некоторое время приобрело негативную квазимарксистскую коннотацию и редко употреблялось в российской литературе. Но в последнее время в публичном пространстве и научных дискуссиях разгораются споры об идеологии, она становится одной из острых тем публичных баталий в масс-медиа и блогосфере.

Многие ученые справедливо полагают, что либеральный проект был мощным оружием против тоталитарных режимов и в этом состояла его позитивная роль. Будучи в плену тоталитаризма, многие люди ждали и были готовы к свободе, предрасположены к принятию либеральных ценностей на первоначальном этапе реформ. Однако стоит напомнить о повторяющихся в истории не очень удачных попытках модернизировать и либерализовать страну. Например, А.С. Ахиезер пишет о послереволюционном времени начала XX в.: «Общий голод на эффективность превращал либерализм в вожделенный предмет для всех. В России либерализм редуцировался, искажался до неузнаваемости, низводился до уровня средств». Можно согласиться и с тем, что «попытка редуцировать либерализм до утилитаризма возможна лишь в ограниченных масштабах, так как это приводит к росту дезорганизации в культуре и в человеческих отношениях» [Ахиезер 2012, с. 13]. В настоящее время в России во многом схожая картина, но, к сожалению, по мере развития событий либеральные представления были упрощены, редуцированы и помещены в русло псевдорыночных и утилитарных идей, в частности, связанных с индивидуальным успехом.

На Западе в настоящее время распространено критическое восприятие общественного развития последних лет, и ряд обществоведов выступает с позиций демократии и либерализма против неолиберальной ортодоксии. Неолиберализм заметно отличается от классического либерализма, он появился в экономической науке в 1970-х гг. XX в. как ответ на замедление темпов роста экономик западных стран. Есть вполне обоснованное мнение, что на сегодняшний день и сам неолиберализм стал «тотальным». По словам Д. Харви, «скрытый в этой идеологии потенциал тоталитаризма может вызвать процессы, разрушительные для самих либеральных и уж тем более для демократических ценностей» [Harvey 2007]. Польский экономист Г. Колодко, в прошлом вице-премьер Польши, в своей книге «Мир в движении» пишет: «На мой взгляд, характерная черта современной глобальной экономики – это *господство* в большинстве стран неолиберальной идеологии и политики. Неолиберализм – это отклонение от рыночной экономики, опирающейся на такие ценности, как свобода, демократия, частная собственность, конкуренция и т.д.» [Колодко 2011].

Между тем в Россию, как и практически во все страны Восточной и Центральной Европы, примкнувшие к глобальной системе рынков, не могла не проникнуть неолиберальная гегемония при видимом довольно обширном политическом плюрализме сражающихся идеологий. При всей сложности картины и неоднозначном развитии событий в проводимых реформах нельзя не заметить доминирующей неолиберальной платформы. Осмысливая постсоциалистические трансформации, К. Мюллер и А. Пикель уточняют, что нужно говорить не просто об экономической политике, а о политике трансформации, «основанной на прочной вере в рынок как некую мета-институцию социальных перемен».

Они называют эту концепцию «неолиберальный дискурс радикальной реформы», подчеркивая, что «это не просто применение неоклассической экономической теории трансформации. Скорее, этот дискурс содержит общие концепции смены институтов и коллективных действий, а также политические нормативные суждения» [Мюллер, Пикель 2002].

Одна из особенностей стран постсоциализма – радикальная смена господствующего дискурса в течение короткого исторического времени. Прежняя идеологическая основа была практически полностью делегитимизирована во второй раз в течение XX в. Повторяющиеся истории во многом схожи. Появление нового неолиберального дискурса в научной и публичной сферах восточно-европейских постсоциалистических стран преобразовало содержание идеологии, но не изменило суть и механизмы господства.

Хотя Россия оказывается в числе стран с наименьшим влиянием глобальных тенденций на экономику с точки зрения либерализации, открытости и конкуренции, вряд ли стоит сомневаться в неолиберальном идеологическом влиянии. В частности, оно проявляется в конструировании доминирующего дискурса, используемого элитами для социального различия и контроля.

В странах, где проходят реформы, всегда найдутся и «выигравшие», и «проигравшие», а быстрые и кардинальные изменения всегда сопровождаются артикуляцией «выигрыша» или «проигрыша». Существует обширная литература, где трансформации в постсоциалистических странах рассматриваются с использованием этих категорий [Bryant, Mokrzycki 1994; Crow 1997; Ferge 1993; Offe 1996; Therborn 1995]. Но то, как определяются «выигравшие» и «проигравшие» и как описываются основы социального успеха или поражения, далеко не всегда связано исключительно с объективными процессами и задается, как правило, господствующим дискурсом.

В статье рассматриваются несколько вопросов: 1) как возник дискурс и какова роль экспертного сообщества; 2) какова основа различия «выигравших» и «проигравших» в ходе реформ; 3) как этот дискурс встроен в российские трансформации.

Рамки восприятия реальности: гегемония и доминирующий дискурс

Обратимся к понятиям «гегемония» и «дискурс», поскольку они объясняют механизмы господства. Гегемония¹ означает культурное господство, которое формирует общий социально-моральный язык, определенную концепцию реальности, которая становится доминирующей, наполняя своим духом многообразные и различные способы мышления. Она может быть определена как «организующий принцип», проникающий через процессы социализации в разные сферы повседневной жизни. Это своего рода здравый смысл (*common sense*), которым руководствуются в любых делах и размышлениях. Гегемония, согласно А. Грамши, достигается через когнитивные и эмоциональные структуры, с помощью которых индивиды воспринимают и оценивают реальность [Femia 1981].

---

¹ Понятие, введенное А. Грамши.

Люди могут придерживаться любых моральных или политических взглядов, но на практике они так или иначе равно подчинены гегемонии, поскольку внутренний контроль уже встроен в систему восприятия реальности.

Еще дальше идет Л. Альтюссер, рассуждая об идеологии как таковой в структурной логике. В отличие от А. Грамши, он говорит о функционировании идеологии как о структуре подсознания, воспроизводящей важные для поддержания существующего порядка установки. Независимо от контента, идеологии как таковая действуют благодаря внутреннему контролю. Идеология – это «представление» о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования. К. Маркс писал о том, что человек обладает отчужденным (т.е. воображаемым) представлением об условиях своего существования, потому что эти условия существования сами отчуждены (воображаемы). «Таким образом, все эти (идеологические) толкования принимают за чистую монету то, что сами и выдвигают и на чем основываются: воображаемое представление о мире, свойственное какой-либо идеологии, отражает условия существования человека, то есть его реальный мир, значит, это воображаемое отношение само обладает материальным существованием». Далее Альтюссер пишет: «то, что, как нам кажется, происходит вне идеологии (в данном случае на улице), на самом деле происходит в идеологии. То есть то, что в реальности происходит в идеологии, кажется, происходит вне нее. Поэтому те, кто находятся в этой идеологии, по определению, полагают себя вне идеологии. Это один из эффектов идеологии, практическое отрицание идеологического характера идеологии самой же идеологией» [Альтюссер 2011].

Здесь важно вспомнить и другие объяснения в структурной логике, которые указывают, что толкования зависят во многом от дискурсивной среды, созданной влиятельными институтами. Э. Лаклау и Ш. Муфф отмечают: «Землетрясение или падение кирпича – это события, которые реально существуют в том смысле, что они случаются здесь и сейчас, независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определенные в терминах “природного явления” или “выражения гнева Господнего”, зависит от организации дискурсивного поля» [Laclau, Mouffe 1985, p. 108]. Или, например, в какой мере индивидуальный опыт безработицы или скудного материального положения может быть истолкован социальной несправедливостью или личной неудачей и отсутствием востребованной профессии, навыков, также находятся в зависимости от дискурсивной среды.

М. Фуко вводит понятие «дискурс» и отрицает возможность восприятия реальности вне дискурсивной структуры: в процессе восприятия происходит категоризация и интерпретация опыта и событий в соответствии со структурами, находящимися в (нашем) распоряжении, и выйти за рамки данных структур хотя и возможно, но не просто. М. Фуко с помощью понятия «дискурс» отвергал представления институционалистов, предлагающих следующее объяснение: идеи или теории принимаются, потому что рассматриваются как правильные. В этом усматривается что-то знакомое: «учение Маркса всеильно, потому что верно». Институционалисты оставляют за бортом вопрос, как и почему что-то рассматривается как правильное. М. Фуко им в ответ предложил объяснение господства определенных представлений постоянным воспроизводством дискурсивных практик, которые устанавливают определенный набор отношений между дискурсивными событиями и работают на сохранение отношений [Фуко 2006].

Такие отношения несут в себе определенную предзаданность, но не только потому, что воспринимаются как само собой разумеющееся (*taken-for-granted*) и не потому что люди так думают о них, а потому что они размышляют в рамках этих отношений, вместе с ними, поскольку дискурсивные практики управляют тем, как формируется объект дискурса и тем, какие модальности для наблюдения и формулировок доступны. В дискурсе создаются представления о нормальности, а механизмы господства предназначены для внедрения этих представлений и последующий надзор за их укоренением [Фуко 1999]. Дискурс неразрывно связан с воспроизводством существующего порядка, а, следовательно, и с властью. Люди интерпретируют свой личный опыт через *существующие* ментальные (или идеологические) категории, которые обусловлены в той или иной степени установленными дискурсивными средами.

Понятия «гегемония» и «дискурс» в этом контексте касаются того, как социальные возможности структурированы таким образом, чтобы ограничить видение других возможных вариантов, доступных для индивидов. Например, выбор обучения и карьерного роста может рассматриваться не только как итог рационального решения, но и порожденный дискурсивной средой. Экономические дисциплины считаются приносящими наибольшую отдачу, отсюда и наплыв абитуриентов на соответствующие специальности, не рассматривающих серьезно другие возможные альтернативы получения профессии, и многие студенты, помимо высказанной аргументации, с трудом объясняют себе, почему они выбрали обучение именно экономической специальности.

Роль экспертного сообщества

Немаловажна роль интеллектуальной среды, где формируются представления о реальности. А. Грамши отводил интеллектуалам ведущую роль в установлении гегемонии и считал гражданское общество на Западе местом, в котором формируется согласие и тем самым обеспечивается культурное доминирование правящего класса и устойчивость социального порядка [Gramsci 1971]. Творцами гегемонии, согласно Грамши, являются «органические» интеллектуалы, целенаправленно формирующие знания и моральный язык. Однако более интересна позиция Б. Латура и М. Фуко, представленная в структурно-активистском ключе: если А. Грамши видел особую роль *открытых гражданских структур* в установлении гегемонии, то Б. Латур говорил о *роли закрытых сетевых отношений* и предлагал рассматривать сетевую организацию «носителей знаний» [Latour 1987]. Б. Латур предлагает рассматривать сетевую организацию «носителей знаний», когда сети основываются на связях и определенных отношениях между агентами (*actor-network*), при этом агенты активно включены в формирование дискурса. Конкретные реальные действия агентов приводят к созданию сетей дискурсивных отношений и встроены в них через различные компоненты – через установление связи между теоретическим аппаратом и высказываниями, мнениями, через поддержку коллег в определенном объяснении и результатах, посредством обсуждения, конференции, финансирование исследований и т.п. Таким образом, через сетевые связи мобилизуется определенное количество ресурсов, и что важно, по мнению Б. Латура, именно сети дискурсивных отношений

приводят к воспроизводству и распространению отдельных институциональных форм. Через сети же реализуется и возможность заинтересованных агентов «скрыть» в «черном ящике» ту работу, которая и нужна для того, чтобы соединить вместе различные компоненты акторских сетей. Но если же институциональные формы не удастся воспроизвести, то это только потому что акторы открыли «черный ящик», разъединили сети и воспользовались их компонентами для своих собственных целей [Latour 1987].

Основываясь на теориях Б. Латура и М. Фуко, американские исследователи Дж. Бокман и Г. Иель убедительно показали механизм распространения и установления господства неолиберальных взглядов в некоторых постсоциалистических странах, где в начальные годы реформ роль либеральных экономистов оставалась весьма значимой [Bockman, Eyal 2002]. Именно благодаря их влиянию неолиберальные идеи и рекомендации были восприняты после 1989 г. в странах Восточной Европы так быстро и почти без обсуждений. Они объясняют успех неолиберализма не давлением международных организаций, не желанием простого копирования и слепой имитации или потребностью в признании финансовыми институтами, не активным навязыванием моделей со стороны Америки пассивным реципиентам Восточной Европы, а более сложным механизмом. За предшествующие годы сложились такие международные сетевые структуры, через которые неолиберальные представления легко проникли в новые зоны – постсоциалистические страны, легко согласовывались и координировались с двух сторон. Диалог между ними начался еще в годы Холодной войны, и реформаторы, многие из которых участвовали в этом диалоге, не только приняли неолиберальные идеи реформ, но и стали их наиболее активными промоутерами и на национальном уровне, и в глобальном масштабе. Примеры того, как это происходило в начале реформ в России, можно найти в воспоминаниях участников событий [Ананьин 2012; Григорьев 2012; Уринсон 2012; Глазьев 2012; Хаиткулов, Шестаков 2012]².

Неолиберализм захватил нормативные позиции в Восточной Европе раньше, чем международные финансовые институты своей мощью поддержали конкретные пути реформации. Новое поле изучения трансформаций, возникнув в начале 1990-х гг., сложилось в новом тренде, после того как МВФ и Всемирный банк втянулись в либерализацию и стабилизацию экономики Польши и России [Мюллер, Пикель 2002]. В Польше, например, история социологического осмысления постсоциалистических трансформаций тесно переплетена с задачами неолиберальной политической повестки, направленной на исправление экономического и «цивилизационного» разрыва, возникшего в годы социализма [Kolasa-Nowak 2010].

Сети «носителей знаний» можно легко наблюдать в академической, экспертной и околонаучной среде, однако вопрос заключается в том, как наиболее ресурсные сети становятся «монополистами». Мысли о стремлении к «монополии на представления», в определенном смысле аналогичные идее «черного ящика», мы находим у А. Макинтайра: «Согласно моей позиции, социальные практики – это воплощение *интерпретаций* социальных практик. Социальные теории являются невоплощенными интерпретациями, пытающимися соотноситься с обще-

² Сходные мысли можно найти во многих других источниках [Буравой 2010].

ством так, как физические теории соотносятся с природой. Следовательно, всегда есть вероятность того, что социальные теории вместо описания конфликтующих интерпретаций, воплощенных в практиках, вместо стремления к объективности, подразумевающей признание конфликта, будут – а это в интересах одной из конфликтующих сторон – отрицать *через замалчивание* факты наличия конфликтов, дискуссий, спорных ситуаций и непредсказуемости исходов... Победа тут подразумевает навязывание конкуренту убежденности в бесспорности одной нужной интерпретации, которая провозглашается не интерпретацией, но простым отражением реальности, “фактом”. Социальная теория начинает функционировать как идеология тогда, когда она начинает способствовать соответствующей социальной практике. Сам факт принятия утвердившегося миропорядка за точку отсчета, превращает эмпирическую теорию, как политическую, так и социальную в идеологию (в вышеописанном смысле этого слова)» [Макинтайр 2012]. То есть теория носит характер предписаний.

Любые альтернативные идеи, как правило, либо выталкиваются из дискурса, либо замалчиваются, либо определяются как неверные. Если все время говорить о чем-то, что это и есть правда, то, в конечном счете, это и станет правдой, а другие идеи постепенно отойдут на задний план и вовсе исчезнут.

Как было отмечено польским автором Т. Зарицким: «Неизбежность неолиберального капитализма принимается и потому, что любые альтернативные левые идеологии до сих пор прочно ассоциируются с неудачей советского проекта. Также и из прагматических соображений, как в случае интеллектуалов, многим из которых в настоящее время удастся обеспечить достойную жизнь в условиях рынка путем оказания “экспертных услуг” (встроенности в сети – *Е.Д.*), и не желающими быть не принятыми политической элитой. В странах Восточной Европы люди, которые сомневаются в пути либеральных реформ или пытаются обсудить их высокие социальные издержки, не воспринимаются всерьез и сразу попадают в разряд либо коммунистов, либо националистов» [Zarycki 2009, p. 112].

Другие авторы считают, что «неолиберальную экономическую парадигму следует рассматривать в качестве «глобальной социальной технологии, которая стала доминировать во всех сферах дискурса, оправдывая и нормализуя все “реальности” современного мира таким образом, что альтернативы кажутся невозможными» [Tsatsanis 2009, p. 202]. Но это относится не только к неолиберальной парадигме, согласно М. Фуко, это общая схема. Важно, что такие «технологические» системы предписывают и создают определенную форму общественного порядка посредством поддержания возможности кодировать различные утверждения как истинное или ложное знание.

«Выигравшие» и «проигравшие»: интерпретации господствующего дискурса

Реформы в странах Восточной и Центральной Европы, которые неизбежно воспринимаются как неоднозначные, требуют интеллектуального объяснения. «Носители знаний» стараются объективизировать явления в русле адекватной классификации, потому что сами считают неизбежным создание нового порядка. Это не только результат их теоретических идей, они также следуют гегемонии.

Польский социолог М. Буховский рассуждает о черно-белой логике, которая пронизывает рассуждения значительной части интеллектуалов и политических деятелей времени начала реформ [Buchowski 2006]. Примером может быть приведенная им цитата из работы П. Штомпки: «Коммунизм способствовал цинизму, кумовству, коллективизму, эгалитаризму и диффузной индивидуальной ответственности; преобладанию чувства бессилия и даже своего рода мистики по отношению к судьбе. Напротив, при капитализме – торжество индивидуализма, реализма, эффективности, свободы творчества, индивидуальной субъектности и ответственности, это – ориентированное на будущее общество, которое требует наряду с демократией и участия в общественных делах» [Buchowski 2006, р. 467–468]. Черно-белая логика была особенно заметна в 1990-х гг., когда можно было встретить множество подобных текстов и рассуждений, служащих аксиомами для многих и по сей день. Показательно и мнение, которое приводит М. Буховский в качестве иллюстрации данного дискурса. Это выдержки из интервью Яна Виниецкого (Jan Winiecki), одного из ведущих польских экономистов, польскому еженедельному журналу *Wprost*:

Вопрос: И что, в самом деле, никто не потерял в ходе последних преобразований?

Ответ: Бывшие работники ликвидированных совхозов – единственная группа, которая потеряла в абсолютном выражении (не только по отношению к другим группам). Они действительно работают плохо, потому что они еще не научились, как работать, после роспуска этих совхозов теперь нет того места, из которого они могут что-нибудь украсть.

Вопрос: Кто выиграл больше всего?

Ответ: Люди, которые хотят и могут работать, чтобы добиться успеха. Теперь предпринимательство и знания имеют значение и те, кто первым это поняли, получили наибольшую выгоду от реформ.

Вопрос: Кто оказался в наименьшем выигрыше?

Ответ: Проблема Польши – сами поляки, которые ждут манну небесную, и думаю, что они заслуживают то, что имеют, без работы и выполнения обязанностей. Это пассивная часть общества, и это их вина. Эти люди деморализованы прежней системой, а также теми, за кого они голосуют.

Можно легко распознать знакомую стратегию обвинений «жертв реформ» и выявления в них тех черт, которые рассматриваются в качестве причин их собственных неудач. Очень схожими были заявления Б.Н. Ельцина. В российской литературе, как отмечает М.Ф. Черныш [Черныш 2008], представления о «хорошем собственнике» соседствовали с описанием «недостаточно эффективного простого советского человека». Можно задаться вопросом, почему «проигравшие» – а это, прежде всего, бедные (на тот момент это крестьяне, рабочие, учителя, военные и другие группы) – были помечены и сконструированы как Другие.

Создание «нижних категорий» людей – это интеллектуальный процесс, который разделяет такую логику и способ мышления, узаконивает политическую практику и политику. Для этого есть несколько оснований: с одной стороны, интеллектуалы делают это для того, чтобы отмежеваться от них, тем самым «примкнуть» к стану «победителей», с другой, – чтобы указать на необходимость их перевоспитания, т.е. «лузеры» должны быть дисциплинированы в соответствии с представлениями о новой «нормальности».

О господстве через различение и символическое насилие, когда люди классифицируются сами и представляют себя для классифицирования, много писал П. Бурдьё [Bourdieu 1984], он показал механизм различения на многочисленных этнографических исследованиях. По словам С. Люкса, «в руках Бурдьё классовая борьба становится “классификационной борьбой”, чей предмет власть над схемами и системами, которые являются основанием для репрезентации групп и потому их мобилизации и демобилизации» [Люкс 2010, с. 203].

Конструирование «выигравших» и «проигравших» происходило примерно в следующей логике. «Победители» в задаваемом дискурсе – это те, кто сразу же расшифровали модус функционирования свободного рынка. При этом, конечно, у одних были либо лучшие стартовые условия, либо социальный и культурный капитал, встроены в сети, у других – способности и средства, собственно говоря, поэтому они и «выиграли». Но дело не в том, что в сложных социально-экономических условиях многие люди успешно адаптировались, а другие – нет (для научной работы – это предмет исследований), а в том, что в публичном пространстве возникло понятие «выигравшие», и им, безусловно, начали приписываться «прогрессивные» черты, исходя из представлений доминирующего дискурса. В российской литературе такие группы называют «ресурсными», «модернизированными», «продвинутыми» [Аврамова, Логинов 2002; Гудков 2012; Тихонова 2006; Тихонова 2012; Ядов 2001 и др.]. И, наоборот – «прогрессивные» черты не могут преобладать среди тех, кто оказался непригодными, необразованными, «немодерными» и не в состоянии адаптироваться.

Известно, что с неолиберальным дискурсом связываются задачи воспитания нового человека – «гомо экономикус» вместо «гомо советикус». Подобные по сути, но противоположные по содержанию, задачи в свое время ставили большевики: в то время воспитанию нового советского человека – активного «строителя коммунизма», работающего на общество, исповедующего коллективные интересы, – была также подчинена и работа научных коллективов. И сегодня одним из проектов неолиберального мэйк-апа выступает воспитание нового человека, нового поколения активных независимых людей, неиждивенцев, эффективных и предприимчивых. Надежды проецировались на фигуру хозяина и предпринимателя, однако по мере реализации рыночных реформ *автоматически* это не получалось. Показательно, как недоуменно о своих ожиданиях пишут российские эксперты: «*Вопреки ожиданиям, не произошло быстрее, разом, избавления от советской бедности и униженности, бессилия и несвободы, второсортности и двоедушия*» [Дубин 2011, с. 8].

В публичном и научном дискурсе именно с «ментальностью», «характером», «культурой» зачастую связываются провалы реформ, недостаточный рост эффективности, слабость конкуренции и мотивации труда. Это напоминает вечный вопрос «кто виноват?», что этого не происходит и реформы идут не так, и один из старых очевидных ответов – «народ не тот». «Культурная недораз-

витость, немодернизованность, нецивилизованность» проникли не только в научный дискурс, но и публичный, а в России к бесконечной рефлексии на тему «Восток–Запад» прибавились переживания о непригодном Другом – производимых народом «лузерах».

Конструирование Другого очень четко представлено в «Ориентализме» Э. Саида³ [Saïd 1978]. Вслед за Э. Саидом Л. Вульф описывает создание образа Восточной Европы как проект «полуориентализации» [Wolff 1994]. Главной характеристикой обществ этой части континента становится некое переходное состояние между цивилизованным Западом и варварским Востоком, усвоение цивилизации оказывается поверхностным, а основа этих обществ остается варварской. Изобретение Восточной Европы, подчеркивает Л. Вульф, неразрывно связано с (само)изобретением Запада. Подобно Востоку Э. Саида, Восточная Европа Л. Вульфа выступает в качестве «конституирующего иного» в процессе формирования собственного образа цивилизованной Западной Европы.

Имеется история критического анализа, предлагаемого восточноевропейскими интеллектуалами относительно навязываемых образов и формул, изобретенных в Западной Европе. В своей книге венгерский исследователь А. Мелег предлагает социологический анализ смыслов, которые характеризуют восприятие Западом (после окончания Холодной войны) Восточной Европы [Melegh 2006]. Развитие стран Центральной и Восточной Европы, появление нежелательных дезинтегративных процессов и усиление национализма, по мнению автора, связаны с тем, как формировался негативный образ Восточной Европы западными идеологами. В ориентализме существует некая предзаданность объяснений: часто нежелательные процессы реформирования объясняются цивилизационным запаздыванием и преобладанием «восточных» черт в обществах Восточной и Центральной Европы, причем тем сильнее, чем дальше на восток расположены страны. Идея «нисходящей вестернизации по восточному склону» основана на классификации стран в предложенной территориальной градации. Важность этой работы заключается в способности тонко обозначить тему географического измерения власти и конструирования Другого. Как и Л. Вульф, А. Мелег убедительно показывает, что образ Восточной Европы был выведен как результат дискурсивной работы западных либеральных интеллектуалов и что созданный образ Восточной Европы, как нецивилизованного Другого, имеет большое значение для ее развития.

Тему стигматизации Другого, когда происходит принятие на себя роли Другого, отличного от Запада, развивают и другие восточно-европейские исследователи [Todorova 1997; Bukhowski 2006]. М. Буховский пишет, что «в маневрах интеллектуалов, обращенных к экономическому либерализму и сторонников теории модернизации, стигматизирующих соотечественников, есть несколько неявных типичных характеристик, которые ведут к процессу “ориентализации”, то есть такому дискурсу, при котором в категорию лузеров могут попасть народы и территории». Далее он продолжает: «Что бросается в глаза, так это менторский тон и отношение... Они встают на типичный путь проекта обучения массы. Как и в недалеком прошлом, есть надежда на “диктатуру профессуры” или “просвещенный деспотизм”»: однажды установленные они принесут про-

³ Введенный Э. Саидом термин «Другой» означает набор дискурсивных практик через которые Запад конструирует «Другого», то есть Восток.

цветание. Люди должны быть дисциплинированными и образованными, усвоить набор определенных, в данном случае капиталистических, ценностей, чтобы стать “нормальными”. Деморализованным и осиротелым жертвам прошлого (а не нынешней практики) придется осваивать новые стандарты, изменить свой менталитет, чтобы присоединиться к прогрессивной части человечества. Если они не могут сделать это, то они остаются “восточными” и должны обвинять себя за это отчуждение. Любая неудача приписывается их ментальному характеру» [Buchowski 2006, с. 475]. Показателен текст, анализирующий результаты исследований Европейского социального исследования (ESS): «Для воспитания российского общества в духе открытости изменениям и заботливого отношения к окружающим людям и природе нужна долговременная культурная политика, соизмеримая по масштабу задач с известной “программой прогрессивных изменений культуры”, сформулированной Л. Харрисоном [Харрисон 2008]» [Магун, Руднев 2010, с. 48]. В текстах часто фигурируют попытки классификации населения с точки зрения «продвинутых» и «отсталых» групп, готовых и не готовых к модернизации [Тихонова 2012].

Примерно в той же логической тональности представляется человеческий материал, доставшийся в наследство от советской эпохи. Имеется целый пул отечественных исследований, связанных с изучением ментальности населения и ценностей, как важного фактора и главного тормоза проводимых реформ, на которые давно уже ссылаются не только ученые культурологи, но и публицисты. Приведем некоторые суждения, которые говорят сами за себя. «В рассуждениях о российской политике весьма популярен миф о том, что россияне пассивны. Это неверно: россияне агрессивно неподвижны» [Грин 2011, с. 9]. Парадоксально звучит и заявление о том, что «российская культура критически утратила эффективность. Данная истина табуирована к осознанию и произнесению» [Яковенко 2012]. Исследования «советского человека», его ценностей представляли собой достаточно обширную и самостоятельную область знаний и сейчас имеют большую популярность благодаря вниманию реформаторов к идее соотношения культуры и возможности модернизации.

Во всем этом видится скорее результат не только теоретизирования, а спонтанного следования гегемонии, содержащей черты ориентализма и наивного социального дарвинизма. Можно согласиться с М. Буховским, что дихотомическая логика делает их слепыми в отношении того, что одобряемые и стигматизированные ими объекты, как и они сами, являются продуктами исторического процесса, в котором активно участвуют все [Buchowski 2006].

Необходимо отметить, что подобные изображения не являются ни истинными, ни ложными. Их сила заключается в конструировании социальных различий, но важно видеть, что люди «не застывают», как «гомо советикус», а меняются в ходе своих повседневных практик, интерпретируя их и постоянно внося изменения. «Лузеры» не являются лишь жертвами своей ментальности и привычек, их положение может быть связано с преобразованиями, к которым привели последствия глобализующих и структурных процессов. Важно помнить, что и обществоведы в определенной мере также являются со-производителями символической социальной иерархии.

Материальный успех как основа различения «выигравших» и «проигравших»

Не углубляясь в рассмотрение политического и экономического содержания неолиберальной доктрины, отметим лишь некоторые важные для данной статьи моменты. Неолиберальная концепция индивида свободного рынка базируется на понимании «самодостаточного индивида», предполагающего, что он сам в состоянии властвовать над своей жизнью и устанавливать отношения с себе подобными. При этом проблемы или неудачи, например, в случае безработицы или бедности, представляются как зависящие исключительно от недостатка усилий или предпринимательских способностей человека (например, недостаточное вложение сил и средств в развитие собственного человеческого капитала путем повышения уровня образования, укрепления здоровья) и не связываются с недостатками системы. Все формы отношений, в том числе взаимоотношения работников одной компании или членов семьи, рассматриваются как виды рыночной конкуренции.

Взятый из технологий предвыборных кампаний принцип «победитель получает все» распространился практически на все стороны жизни, и его типичное обоснование связано с экономическим успехом. Полагается, что этот принцип создает в экономике условия конкуренции, ведет к увеличению эффективности практически во всех сферах. «Победитель» – это признак эффективности, маркер «истории успеха». Этот принцип также создает мощный стимул для инновационного развития, поощряя изобретательность и упорный труд, и при этом предполагается, что в результате происходит значительное повышение уровня жизни всего населения из-за повышения потребления бедных и средних слоев. Таким образом, неолиберальные идеологи утверждают, что этот принцип встроен в онтологию игры с изменчивой суммой, т.е. игры, в которой выигрывают все.

Однако мы видим, что такое правило в России воплощается в упрощенных утилитаристских формулах и конфликтной онтологии, поскольку есть и другая сторона – «проигравшие». Такая дихотомия сразу приобретает смысл классификационной схемы (по Бурдье), и тогда этот принцип становится типичным воплощением игры с нулевой суммой.

Названные постулаты были восприняты россиянами, и самая примитивная аксиома, легко усвоенная гражданами за эти годы, это принцип различения «выигравших» и «проигравших»; представление о свободе воплотилось в не подвергающемся сомнению тезисе об успехе «победитель получает все», где мериллом успеха безальтернативно выступил материальный достаток. Если добавить понятие «здесь и сейчас», то получится картина стратегий успеха, как они были представлены в России на рубеже веков.

Но при этом следует отметить, что успех зависит от многих факторов – стартовых позиций, образования, способностей, социального капитала, включенности в сети и прочее, но складывающаяся гегемония редуцирует его, относит только к *материальным и индивидуальным* достижениям. Стремление к материальному успеху у людей было всегда, но именно в настоящее время отмечается его тотальный характер, и этот фактор выступает чуть ли не единственным определяющим успех и является самодовлеющим. Констатацию этого факта можно найти не толь-

ко в сетованиях современников: «Увы, это не просто распространение ценностей рынка, которые включают и честность, и ответственность, и взаимопомощь, и конкурентоспособность, на общество, а это помещение денег наверху ценностной иерархии: стоимости вместо ценностей. Здесь перевернулась статусная пирамида, делая достижением только деньги и измеряя успех только ими» [Федотова, Колпаков, Федотова 2008, с. 475]. Во многих исследованиях фактор дохода является ключевым условием отнесения себя к «выигравшим» или «проигравшим» [Двадцать лет реформ глазами россиян 2011; Горшков, Тихонова, Петухов 2012], а исследования трудовых ценностей показывают главенство материальных стимулов по сравнению со всеми другими [Магун, Монусова 2010].

Субъективное ощущение «выигрыша» или «проигрыша» – важная составляющая самоопределения, и если в исследованиях звучит вопрос, как опрашиваемые могли бы себя определить, то всегда появляются те, кто считают себя «выигравшими» в результате перемен, и те, кто видят себя «проигравшими». По разным оценкам, в сумме от половины до двух третей российского населения могут определить себя либо как «выигравший», либо как «проигравший» [Данилова 2012; Дудченко, Мытиль 2006]. Пропорции варьируются в динамике, и в 2000-е гг. по сравнению 1990-ми гг. наблюдается рост доли «выигравших». Приводятся и такие соотношения считавших себя «проигравшими» от реформ и «выигравшими» от них: «Если отвлечься от тех, кто затрудняется с ответом на данный вопрос или считает, что он не выиграл и не проиграл, то пятнадцать лет назад, в 1996 г., оно составляло 86:14, десять лет назад, в 2001 г., – 76:24, а в 2011 г. – 72:28» [Горшков, Тихонова, Петухов 2012, с. 95]. Дело даже не в пропорциях, а в том, что людям не сложно отнести себя либо к «выигравшим», либо к «проигравшим», поскольку они руководствуются представлениями о «выигрыше» и «проигрыше», прежде всего, связанными с материальным достатком.

Тезис «победитель получает все» переплетается с маркетинговыми технологиями и сквозит в рекламных слоганах: «Возьми от жизни все», «Ты этого достоин», «Верь в себя», «Ты это можешь» и др. Сравнительные исследования свидетельствуют, что российские люди, а более всего молодые, наиболее привержены ценностям самоутверждения, а что касается ценностей, отражающих заботу о других, ответственность, то они распространены не столь широко [Магун, Руднев 2008]. При этом «выигравшие» выделяются более высокими личными амбициями и чувством собственного достоинства, но меньшим вниманием к честности и ответственности по сравнению «проигравшими» [Данилова 2013]. Во многих научных трудах фиксируется практически безальтернативная ориентация на свои силы в достижении успеха большей части населения, прежде всего, успешных групп и молодежи, даже при наличии в сознании патерналистских запросов к государству [Горшков, Тихонова, Петухов 2012].

Однако не все так просто, и чтобы чувствовать себя «победителем», обязательным условием является ощущение успеха, как правило, создаваемое материальным благополучием. «Победитель» в этом смысле становится понятием практически одномерным. И хотя главная линия противопоставления выводится из экономического успеха, «лузер» при этом – понятие многомерное, поскольку не только неудачи материального свойства дают ощущения ressentimentа. Л. Ионин, разбирая понятие «resentiment», определяет его, как зависть к успеху другого, точнее, «это успех другого, который мною воспринимается как мое унижение...» [Ионин 2010, с. 16–17]. Он говорит, что ощущение ressentimentных

чувств сегодня очень сильно не только в России, а вообще в «обществах, живущих в режиме сравнения. Все сравнивают себя со всеми... Именно сравнение, выливающееся в ресентимент, часто порождают нарушения равновесия...» [Ионин 2010, с. 16–17]. Другие состояния депривации – моральной, статусной, возрастной, территориальной – могут вызвать ощущения «лузерства», когда не уважается профессия, прошлое, место, где человек живет. Считается, что это более всего характерно для поколений, которые были социализированы при советском режиме. Поэтому надежда радикальных реформаторов, как многие полагают, была на то, что поколения «совков» отомрут и появятся новые – и без ресентиментных ощущений. Даже если и так (как бы цинично это не звучало), то воспроизводство ресентимента и «лузеров» продолжится, поскольку задача доминирующего дискурса и состоит в легитимации существующего порядка и социального неравенства. Индивидуальная и материальная природа успеха, лежащая в его основе, опосредованно служит этой цели. Создаваемый дискурс «выигравших-проигравших» помогает «победителям» легитимировать сложившееся положение вещей, при котором они себя таковыми и чувствуют. Образ «победителя» воспринимается таким образом, что «победитель» *имеет право* получить все и безапелляционно допускает возможность получать все больше и больше, поскольку, как следует из дискурса, это легитимно. А если ты беден, не обладаешь требуемыми качествами и определенными способностями, плохо работаешь, то ты сам виноват в своем положении «лузера».

Другие идеологические направления, существующие в России, – консервативные, националистические и даже социалистические, – предлагая другие разные идентичности, не меняют картины материального неравенства, которая задается и маскируется в настоящее время именно неолиберальным дискурсом.

Кто сопротивляется рыночным реформам?

Вряд ли стоит сомневаться в том, что масштабные реформы всегда сталкиваются с сопротивлением. Как правило, торможение и неуспех реформ связывают с противодействием тех, кто ощущает себя в проигрыше, соответственно не желая изменений. Помимо социологических интерпретаций, связанных с недостаточной «ментальной» готовностью населения к реформам, известны и точки зрения на этот вопрос экономистов. Первая, ранняя связывает торможение/неуспех реформ с сопротивлением «проигравших», не желающих изменений; вторая (так называемые теории «захвата государства») – с «выигравшими».

Так, С. Хаггард и Р. Кауфман аргументируют свою позицию следующим образом. Бремя, вызванное рыночными реформами, например, сокращение субсидий, замораживание и перебои с выплатой заработной платы, ликвидация торгового протекционизма, снижение социальных расходов и так далее, сосредоточено на определенных группах, в то время как возможные преимущества реформы, такие как общественные блага, стабильная валюта, снижение бюджетного дефицита и снижение инфляции, распределяются диффузно [Haggard, Kaufman 1992]. Группы «проигравших» в ходе реформ имеют больше стимулов, чтобы организовать сопротивление реформам, в то время как «победители» находятся в ловушке «логики коллективного действия» [Олсон 1995]. Они не в силах продвигать реформы

в том ключе и объеме, как им бы хотелось, поскольку своекорыстные индивиды не прилагают усилий для достижения общих целей, пока не существуют внешне-го принуждения или сама группа недостаточно мала и диффузна. Таким образом, для того чтобы начать и продвигать реформы необходимо мощное, автономное и сплоченное государство, поскольку такое государство имеет больше возможностей изолировать продвижение реформ от давления организованных «проигравших» [Haggard, Kaufman 1992, p. 27]. В этом смысле страны Восточной Европы и Россия представляют собой примеры реформирования, инициированного сверху и проводимого государством, однако подводные камни такого реформирования оказываются весьма заметными и трудно обходимыми.

Другая линия рассуждений в большей степени опирается не на институциональные основы анализа, а предлагают задуматься о формировании патрон-клиентских механизмов. Так, в известной книге Дж. Хеллмана «Победитель получает все» рассматриваются реформы в восточноевропейских странах, где, исходя из данных по Восточной Европе, он предлагает посмотреть на другие эффекты процесса проведения реформ. Его наблюдения сводятся к следующему: в Восточной Европе рыночные реформы производят скорее сильных «концентрированных» «победителей» и слабых «диффузных» «проигравших», а не наоборот, как полагают С. Хаггард и Р. Кауфман [Hellman 1998].

Особенность переходных обществ от плановой экономики к рыночной заключается в том, что всегда имеется место «погоня за рентой», что связано с развитием патрон-клиентских отношений. Как известно, рыночные реформы нацелены на постепенный отход государства от экономики, и в этом процессе последовательное введение различных реформ предоставляет возможности повсеместной ренты. В различных моментах введения реформ всегда обнаруживается экономическая и временная «моржа». К примеру, либерализация цен без сопутствующего прогресса в открытии доступа на рынок или ликвидация монополий создали возможности для некоторых производителей получить монопольную ренту. Развитие новых правил и новой системы всегда занимает больше времени, чем прекращение действия старых правил, что определяет неизбежность появления ренты. Процентные ставки могут быть изменены быстрее, чем созданы новые коммерческие банки, способные оценить кредитные заявки. Ограничения на внешнюю и внутреннюю торговлю можно принять быстрее, чем ввести адекватные механизмы, обеспечивающих исполнение контрактов [Hellman 1998]. Иными словами, тот простой факт, что переход требует времени, уже определяет широкое распространение ренто-ориентированного поведения, которое, безусловно, поддерживается формирующимися патрон-клиентскими сетями.

По мнению Дж. Хеллмана, государству в переходном периоде необходимо не только сохранить автономию от давления групп «проигравших», которые проявляют себя через демократические институты, хотя в России при их слабости это было маловероятно, но что более важно – защититься от возможного нарастающего давления групп «победителей», сформировавших обширные патрон-клиентские сети. Здесь нужны различные механизмы контроля власти со стороны общества, но это уже другая проблема, которая в России стоит на повестке дня уже много веков.

Схожую позицию можно найти и у Г. Шамиса [Schamis 1999], изучавшего опыт Латинской Америки. В своей работе он рассматривает, как рыночные реформы в этих странах «превратились» в безудержную погоню за рентой, и приходит

к выводу, в отличие от С. Хаггарда Р. И Кауфмана, что процесс рыночных реформ не продвигается автономным, изолированным государством, а, наоборот, само государство захвачено властными социально-экономическими группами.

Рассмотренные объяснения дополняют друг друга, но применительно к России более правдоподобной картиной видится та, что представлена последними двумя авторами. Российскую ситуацию отличает большая выраженность признаков второй модели «сцементированных» «выигравших», захвативших государство: сильный административный класс, господство неформальных правил, слабые рыночные механизмы. Торможение на пути дальнейших реформ скорее исходит не от организованных групп «проигравших», а от «концентрированных» патрон-клиентских сетей «победителей», ориентированных на выгоду и ренту, получаемые от частичной реформы.

Особенности российских трансформаций

Гегемония неолиберализма в официальной политической риторике в современной России сильно замаскирована, более того – в ней постоянно звучат «мантры» о социальном государстве. Российский капитализм выглядит как двуликий Янус: неолиберальные реформы проводятся государственно-административным классом и олигархией, но под маской социального государства. Это выражается в спекулятивной риторике, производной от имеющихся иллюзий-догм [Danilova 2012].

Первая иллюзия состоит в твердом убеждении части правящей экономической элиты в успешности неолиберальной модели и способности рынка решить все социальные и экономические проблемы. При том что большинство правящей элиты живет за счет перераспределения государственного бюджета и поддержки государственных компаний, а рыночные условия и механизмы крайне неразвиты, догма «эффективности рынка» не подвергается никакому сомнению и составляет основу целеполагающей риторики о реформах.

Другая иллюзия опирается на веру населения в великое и все еще патерналистское государство, которое заботится о социальном благе. Социальная составляющая постоянно преподносится в официальной риторике как основная, главная в политике государства на основании того, что государство по Конституции остается социальным. Однако на деле социальное обеспечение имитируется, предоставляя раздаточным способом «остатки» населению в качестве небольших увеличений пенсий и пособий, львиная доля идет на поддержание госкомпаний. При этом социальные расходы за годы реформ упали, и даже в последние годы повышение некоторых социальных выплат не дотягивает в сумме до той доли бюджета, что существуют в странах социального обеспечения.

Оба представления встроены во властный политический дискурс. У А. Грамши есть понятие *transformismo*, которое связано с тем, что идеи контридеологии могут кооптироваться в доминирующую или гегемоническую идеологию, тем самым уменьшая власть контридеологий. Так происходит, например, с «зелеными» или антиглобалистскими движениями, когда их идеи абсорбируются неолиберальной идеей глобализации; так возникло понятие «устойчивое развитие» (*sustainable development*), когда общества должны быстро развиваться экономи-

чески, при этом не нарушая внешней среды и экологического баланса. Это стало мейнстримовой идеей, продвигаемой, например, руководством Всемирного банка для описания развития рыночных сил и свободного предпринимательства [Martrell 2011, p. 249]. Примером также может служить идея социальной справедливости, воспринятая правящей партией России из левых движений, или появление либеральной платформы внутри партии [Плигин, Зубарев, Фадеев 2013]. Правящая партия вообще отличается тем, что абсорбирует идеи оппозиции, тем самым, ослабляя ее, чтобы не нарушить сложившийся социальный порядок.

Можно образно сказать, что эксплуатация «пузырей» (спекулятивных идей) во властном публичном дискурсе приводит к тому, что в головах людей господствует идеологическая путаница. В итоге на сегодняшний день наблюдается следующая картина – слабая экономическая либерализация, истощенная система социальной защиты, но сильный административный класс, безусловно выигрывающий от сложившегося социального порядка и фактически, и в глазах населения, о чем свидетельствуют исследования общественного мнения [Данилова 2012].

Все тяготы перемен перераспределяются таким образом, что их основная доля падает на наиболее уязвимые группы населения. Однако сопротивление либеральным реформам идет в большей степени именно от несомненных «победителей», нежели от «проигравших», описанных как не пригодных по своей природе для реформ. «Проигравшие» вряд ли составили серьезное сопротивление не только потому, что «энергии масс» не хватало на самоорганизацию при слабости демократических институтов и что многие были заняты выживанием, но и потому, что довольно значительная часть людей психологически деморализованы, демобилизованы, апатичны. Можно провести аналогию с механизмом воздействия политики идентичности; появившийся в прошлом веке термин определял непризнание или неверное признание обществом этнической, культурной, религиозной или какой-либо другой идентичностей, которые воспринимаются и поддерживаются им так, что члены данного сообщества идентичности чувствуют и ведут себя как подчиненные. Как пишет С. Люкс: «Господство, связанное с идентичностью, может принимать еще более сложные формы, когда господствующая группа обладающая контролем над средствами интерпретации и коммуникации проецирует свой собственный опыт и культуру в качестве нормы, нейтрализуя перспективы тех, над кем осуществляется господство и одновременно навязывая им стереотипы и маркируя их как Другой. А люди лишённые признания приходят к ложному, искаженному и заниженному самопониманию» [Люкс 2010, с. 172].

В итоге группы «проигравших» пассивно принимают роли, предписанные гегемонией. Апатичность, пассивность, на что постоянно ссылаются исследователи [Гудков 2012; Грин 2011 и др.], порождаются, в том числе и описанным дискурсом. Более того, этим воспользовались в своей риторике власти, которые под видом защиты «слабых и наивных» граждан, а точнее, «еще не готовых к демократии» от засилья нечестных и криминализованных кандидатов на выбираемые посты, отменили, например, губернаторские выборы.

Следует отметить, что за последние годы и относительно успешные группы испытывают все больший дискомфорт и сумбурное недовольство, поскольку определены предел роста и правила игры, не соответствующие ни с принципами рыночной экономики, ни с представлениями социального государства. Реально

«выигравшими» в сравнении видятся уже не они сами, а только представители административного класса, которые, как было показано выше, заинтересованы только в частичных реформах. Они стремятся друг к другу, создавая социальный капитал, сети и особый код успеха, ориентированный не на конкурентные отношения, как предписывает рыночная экономика, а в большей степени на рентосодержащие связи и использование государственных инструментов. Патрон-клиентские сети не нуждаются в рыночной конкуренции, напротив, тяготеют к закрытым структурам. М.Ф. Черныш называет антиструктурами все то, что препятствует модернизации, нарушает логику конкурентных отношений. «Они, как оказалось позднее, стали тем фактором, который существенно скорректировал ход реформ по всей стране» [Черныш 2008, с. 116]. Кстати, и изначально в реформах ставка была сделана на быструю приватизацию, а не на развитие условий для конкуренции, как, например, в других постсоциалистических странах и Китае [Бергер 2009].

Оборотные стороны дискурса

Несмотря на то, что неолиберальные представления о механизмах социального успеха не соответствуют его реальным основаниям в российском обществе, дискурс «победителей» и «проигравших» по-прежнему играет ключевую роль в общественной и политической жизни.

Интеллектуальные усилия по поиску виноватых, наслонившись на традиции части российской интеллигенции выявлять «душу народа» и ее неправильные черты, продолжили линию размежевания и вряд ли способствовали становлению «нового человека», прописанного в неолиберальных моделях. Трудно представить такое заметное количество текстов и исследований о нежелательных чертах американского, французского или любого другого народа из западных стран. А в переживших «шоковые» перемены России, Польше, так и в других восточноевропейских странах дискурс о «нормализации» был довольно распространен: к примеру, «восточные немцы» стали особым предметом изучения после 1989 г. (см., например [Gumbert 2008]).

Дискурс «выигравших» и «проигравших» ведет к размежеванию и закреплению противоборствующих ценностей в массовом сознании. Игра с ограниченной суммой, как и в прошлом, остается довлеющим онтологическим принципом видения современной действительности в России. В спорах, естественно, принимают участие разные стороны, воспроизводя дискурс и закрепляя противостояние. В масс-медиа и блогосфере это выражается во взаимных обвинениях и появлении определенного сленга, различных высказываниях, маркирующих «выигравших» и «проигравших». С одной стороны – от «совков» и «лузеров» до разнообразных уничижительных – «плесень», «анчоусы», «хомячки», «потная сволочь», «прыщавая шваль», «отстой», «быдло». С другой – упоминаются «мажоры», «прогрессоры», «либерасты», «люксури», «креаквы», «чебольшевики».

Еще одной стороной навязанного дискурса видится психологическая маргинализация значительной части населения: обеднение, доходная дифференциация, маргинализация считаются естественными состояниями в моменты радикальных трансформаций. «Маргинализация является прямым следствием структурных

изменений в экономике и падения жизненного уровня большинства населения. Массовая маргинализация препятствует становлению гражданского общества, основанного на принятии и защите большинством населения демократических ценностей и свобод» [Рукавишников 1994, с. 27]. В дополнение к объективному состоянию добавляется и субъективное ощущение. Известно, что психологически маргинализованные индивиды более склонны к поддержке авторитарных лидеров и режимов «твердой руки», предлагающих популистские рецепты выхода из положения, в котором эти люди чувствуют себя маргиналами, и соответственно обретения ими в будущем достойного места в обществе.

В дискурсе начала реформ царило убеждение, что любые социальные потери приемлемы, если они отдалают угрозу возрождения советского строя, а в нынешней публичной риторике и политике явственно проявляется «ностальгия» по советскому прошлому. Путин постепенно изменил публичную риторику в популистском тренде, и в ней часть населения услышала ожидаемое. Именно заигрывание с народом, возвращение ритуалов и символов советского времени позволили ему, говоря языком Дж. Александера, *перформативно* выиграть выборы [Alexander 2013]. Сохраняющееся относительно высокое доверие президенту открыли новые возможности для авторитаризации власти и воспроизводства патримониальных отношений в угоду властным группам.

Таким образом, дискурс не пригодного для реформ материала невольно способствовал, с одной стороны, сотворению основ для легитимации (помимо социального неравенства) и без того презрительного отношения властных элит к населению, а, с другой, – содействовал формированию установок на авторитарный режим. Субъективная маргинализация довольно большой части населения и усиление ресентимента, как правило, приводят к тому, что эта часть населения апеллирует к авторитарному режиму.

Еще один момент. Необходимо подчеркнуть, что «выигравшие» всегда задают образцы для подражания, модели успеха. Установившаяся гегемония создала легитимность материального успеха *per se*, и неважно, какими путями он был достигнут. В России особенно сильна демонстрационная сторона успеха: «выигравшие» демонстрируют свой успех, а СМИ тиражируют это. Как пишет Л. Ионин: «Россия отличается особым бесстыдством богатых... Они не только не скрывают свое богатство, свои пристрастия и вкусы, но, наоборот, сознательно делают себя мишенью масс-медиа» [Ионин 2010, с. 12]. Это не может не вызывать, с одной стороны, ресентиментных чувств, а с другой – желания подражания. Причем, как далее отмечает автор, когда массы негодуют, «виноваты в этом не СМИ и не простой народ, неспособный, по мысли некоторых либеральных публицистов, понять благодетельной роли чужого богатства. Виноваты сами богатые, выпячивающие свой быстрый успех». Но здесь нужно уточнить, что виноват и господствующий дискурс, мотивирующий к такой демонстрации и несущий в себе соблазн образа «победителя».

Подражание «победителям» – естественное желание: все хотят примкнуть к ним, ведь «победитель получает все». Это интерпретация имеет силу еще и потому, что в ней заложен механизм подражания. О силе подражательного отношения к «другому» писали многие: так, Р. Жирар писал о том, как человек «зачарован врагом». Чем сильнее этот «другой» его обижает (или не замечает и обижает этим незамечанием), тем более важное место он начинает занимать в его мире [Жирар 2012]. Дашевский, следуя Жирару, образно отмечает: «В теперешнем мире

интеллигентского сознания – та же зачарованность врагом: зачарованность властью и воплощающим эту власть человеком – Путиным. Это особенно заметно сейчас, когда интернет превращает эти отношения во всем видный театр, где “либеральная” интеллигенция зачарована Путиным, а охранители и левые зачарованы либералами. Все сами про себя считают, что думают о России, а на самом деле думают друг о друге» [Дашевский 2012, с. 32]. Также и население зачаровано образом нынешних «победителей», смотрят на олигархов и чиновников, видят в них врага, а на самом деле стремятся подражать им.

В итоге «выигравшие» не имеет ничего общего с тем, что предлагают либеральные идеи и ценности, образ «победителей» в данном случае не отвечает и рыночным идеалам. Хотя конкуренция является базовым принципом рыночной экономики, на самом деле в ней не было необходимости и она попала на периферию принципов организации экономической и политической жизни. Определение тех, кто выиграл и проиграл, устанавливалось отнюдь не в конкуренции. «Выигравшие» и «проигравшие» были «помечены» *a priori*, в теории. Дело еще в том, что теория рынка в России появилась намного раньше рыночных практик. И, несмотря на то, что политический язык навязывает свои представления, практики могут не успевать, и тогда интерпретации реальности идут уже из нового языка, но не из имеющихся практик. Разрыв теоретических представлений и практик весьма характерен для России: многие рыночные реформы продолжают носить лишь теоретический характер и связаны только с новым языком, а по-настоящему рыночные практики в постсоветской России редки. Такое было, по мнению О. Хархордина, в истории привычного в советское время термина «общественный», когда после революции, не успев освободиться от жесткой привязки к сословным и религиозным представлениям, они попали в машину советских культурных практик [Хархордин 2011]. До революции люди знали старорежимную «общину», а в советское время «советских общественников», но не «общество» в британском или французском смысле. Тогда «общественным» было все, а сегодня, по аналогии, не познав на практике рынка в принятом эволюционирующем варианте, все стало «рыночным». Идеологические представления задают тон толкований, но практики, как и возникающие *a posteriori* результаты могут совсем не совпадать с сутью теоретической модели. В той же логике и «победившие», и «проигравшие» не отвечают рыночной сути нелиберальной модели.

Литература

- Аврамова Е., Логинов Д. (2002) Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. № 4.
- Альтюссер Л. (2011) Идеология и идеологические аппараты государства // «Неприкосновенный запас», № 3 (77) // <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>
- Ананьин О.И. (2012) Как сложились команда реформаторов и ее программа, или о неофициальном экономическом дискурсе в реформаторском движении 1980-х годов // *Мир России*. № 1.
- Ахиезер А.С. (2012) Проблема реформы и проблема архаизации // *Вестник Института социологии*. № 5 // http://www.vestnik.isras.ru/index.php?page_id=1548
- Бергер Я.М. (2009) *Экономическая стратегия Китая*. М.: ИД Форум.

- Буравой М. (2010) «Опасный» класс как спаситель человечества // Русский Журнал 20.07.2010 // <http://www.russ.ru/pole/Opasnyj-klass-kak-spasitel-chelovechestva>
- Глазьев С.Ю. (2012) Либеральные реформы в России: правда и вымысел // Мир России. № 1.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Петухов В.В. (2012) Юбилей российских реформ: социологический диагноз // Мир России. № 1.
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) (2011). Институт социологии РАН (ИС РАН)
- Григорьев Л.М. (2012) Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории // Мир России. № 1.
- Грин С. (2011) Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. №1–2 (51).
- Данилова Е.Н. (2013) Баланс индивидуалистских и коллективистских ценностей: сравнение Санкт-Петербурга и Шанхая // Социологическая наука и социальная практика. № 2.
- Данилова Е.Н. (2012) Выигравшие и проигравшие в результате реформ в России и Китае // Социологические исследования. № 9.
- Дашевский Г. (2012) Величие осознания иллюзии // Коммерсантъ Weekend. № 45 (290), 23.11.2012.
- Дубин Б. (2011) Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. № 5.
- Дудченко О.Н., Мыгиль А.В. (2006) Адаптация к переменам: кто выиграл, кто проиграл // Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002гг.) / Под ред. Даниловой Е.Н., Ядова В.А. СПб.: Издательство РХГА.
- Жиран Р. (2012) Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение.
- Ионин Л. (2010) Апдейт консерватизма. М.: ГУ-ВШЭ.
- Колодко Г. (2011) Новый прагматизм против рушащегося неолиберализма // Open Economy. 15.06.2011 // <http://opes.ru/1362132.html>
- Льюкс С. (2010) Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ-ВШЭ.
- Магун В.С., Монусова Г.А. (2010) Российские трудовые ценности в контексте международных сравнений. Доклад на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: ГУ-ВШЭ.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2008) Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 1. С. 33–58.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2010) Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт. М.: ГУ-ВШЭ.
- Макинтайр А. (2012) Методология социальных наук как идеология бюрократического господства // Демократия 2. 9 марта 2012 // <http://democratia2.ru/group/b087c882-3b61-4dad-a1c0-d33e97d916fb/content>
- Мюллер К., Пикель А. (2002) Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социологические исследования. № 9.
- Олсон М. (1995) Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы.
- Плигин В., Зубарев В., Фадеев В. (2013) Манифест российского политического либерализма // Эксперт. № 5 (837).
- Рукавишников В.О. (1994) Социология переходного периода: закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и восточноевропейских странах // Социологические исследования. № 6. С. 25–31.
- Тихонова Н.Е. (2006) Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. № 9.
- Тихонова Н.Е. (2012) Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России // Terra Economicus. № 1. С. 135–146.
- Уринсон Я.М. (2012) Экономические реформы: взгляд из Министерства экономики // Мир России. № 1.

- Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция.
- Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. (2006) Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Праксис.
- Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. (2012) Российские экономические реформы: история эволюции концепций // Мир России. № 1.
- Харви Д. (2007) Краткая история неолитерализма. Актуальное прочтение // http://sbiblio.com/biblio/archive/harvi_kratkaja/03.aspx
- Харрисон Л. (2008) Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое издательство.
- Хархордин О. (2011) Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение.
- Черныш М.Ф. (2008) О страхах и фобиях реальных и мнимых // Социологические исследования. № 4. С. 112–119.
- Ядов В.А. (2001) Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН.
- Яковенко И. (2012) Российская ментальность и вызовы времени. Семинары либеральной миссии кризис культуры // <http://www.liberal.ru/articles/5658>
- Alexander J. (2013) Symbolic Re-Inflation: Barack Obama and the Last Campaign. Public Lecture. University of Cambridge. February 2013, Plenary lecture Conference of Sociology in Russia and in the World: crisis, critique and change. Moscow: HSE.
- Bockman J., Eyal G. (2002) Eastern Europe as a Laboratory for Economic Knowledge: The Transnational Roots of Neoliberalism // *American Journal of Sociology*, vol. 108, no 2, pp. 310–352.
- Bryant C. Mokrzycki E. (eds) (1994) *The New Great Transformation?* London: Routledge.
- Buchowski M. (2006) The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic Other to Stigmatized Brother // *Anthropological Quarterly*, vol. 79, no 3.
- Bourdieu P. (1984) *A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Crow G. (1997) *Comparative Sociology and Social Theory*. Basingstoke: Macmillan.
- Danilova E. (2012) Enquete on the Current Financial Crisis // *European Societies*, vol. 14 (2).
- Femia J. (1981) *Gramsci's Political Thought: Hegemony, Consciousness, and the Revolutionary Process*. Oxford: Clarendon Press.
- Ferge Z. (1993) *Winners and Losers after the Collapse of State Socialism*. Canterbury: Social Policy Association.
- Gramsci A. (1971) "The Intellectuals", in *Selections from the Prison Notebooks*. Translated and edited by Q. Hoare and G.N. Smith. New York: International Publishers // <http://www.marxists.org/archive/gramsci/editions/spn/problems/intellectuals.htm>
- Gumbert H. (2008) What Difference Does the Cultural Turn Make? Conference at the University of Michigan, Ann Arbor, December 5-7 // http://www.ghi-dc.org/index.php?option=com_content&id=942&Itemid=837
- Haggard S., Kaufman R. (ed) (1992) *The Politics of Economic Adjustment*. Princeton University Press.
- Hellman J.S. (1998) *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions* // *World Politics*, vol. 50, no 2.
- Kolasa-Nowak A. (2010) *Zmiana systemowa w Polsce w interpretacjach socjologicznych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Laclau E., Mouffe Ch. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Latour B. (1987) *Science in Action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Martrell L. (2010) *Sociology of Globalization*. Cambridge: Polity Press.

- Melegh A. (2006) *On the East–West Slope. Globalization, nationalism, racism and discourses on Central and Eastern Europe*. Budapest, New York: Central European University Press.
- Offe C. (1996) *Varieties of Transition*. Cambridge: Polity Press.
- Said E.W. (1978) *Orientalism*. New York: Pantheon books.
- Schamis H.E. (1999) *Distributional Coalitions and the Politics of Economic Reform in Latin America* // *World Politics*, vol. 51, no 2.
- Scott J.G. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven GT: Yale University Press.
- Therborn G. (1995) *European Modernity and Beyond*. London: Sage.
- Todorova M. (1997) *Imagining the Balkans*. Oxford: Oxford University Press.
- Tsatsanis E. (2009) *The Social Determinants of Ideology: The Case of Neoliberalism in Southern Europe* // *Critical Sociology*, vol. 35, no 2 // <http://crs.sagepub.com/cgi/content/abstract/35/2/199>
- Wolff L. (1994) *Inventing Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Zarycki T. (2009) *Socjologia Krytyczna na Peryferiach* // *Kultura i Społeczeństwo*, no 1, p.105-121.

“Winners” and “Losers” as Constructs of the Dominant Discourse

E. DANILOVA*

***Elena Danilova** – Head of the Department, Department for the Analysis of Social Transformations, Institute of Sociology, RAS. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskii str., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: endanilova@gmail.com.

Abstract

The article deals with the construction of ‘winners’ and ‘losers’ which is frequently deployed in the discussion of social transformations in post-socialist countries. This approach is quite common in theorizing ‘transition’. Such dichotomy is seen as the interpretation of reality inevitably imposed by the current dominant discourse. It also argues that this discourse has originated earlier in the debates about reformations in post-socialist countries, especially in Russia, and was related to the neoliberal ‘the winner takes it all’ principle, which has become routinized in the public sphere.

Secondly, the hegemonic nature of neoliberal ideology and the role of expert community are discussed in a way that it explicates how this construction is produced and justified by the experts and how it serves to legitimate social inequality and the current regime. There are many social factors defining gains or losses, however the dominant discourse refers the designations of ‘winners’ and ‘losers’ mostly to the one-dimensional criterion of material success.

The article argues that the language of ‘winners’ and ‘losers’ carries the danger of oversimplification of lines of social cleavage. It also reinforces the false assumption, according to which the interaction between ‘winners’ and ‘losers’ is necessarily a zero-sum game. The losers of transformations are constructed and stigmatized as Others in a way that they are compelled to accept such fate. These constructions are neither true nor false, their constitutive strength relates to the fact that they have the power to construct social difference. Monitoring the uneven effects of social transformations is vital but it is important that the framework provided by the construction of ‘winners’ and ‘losers’ is employed carefully in order to enable the capturing of the full complexity of these processes.

Keywords: losers, social transformations, winners, dominant discourse, ideology, neo-liberalism, social transformations, reforms, material success

References

- Akhiezer A.S. (2012) Problema reformy i problema arkhazitsii [Problem of Reformation and Problem of Archaism]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, no 5. Available at: http://www.vestnik.isras.ru/index.php?page_id=1548
- Alexander J. (2013) *Symbolic Re-Inflation: Barack Obama and the Last Campaign. Public Lecture. University of Cambridge*. Paper presented at Conference of Sociology in Russia and in the World: crisis, critique and change, February 2013, Moscow.
- Althusser L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and Ideological State Apparatuses]. *Neprikosnovennyi zapas*, no 3 (77). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>
- Anan'in O.I. (2012) Kak slozhilis' komanda reformatorov i ee programma, ili o neofitsial'nom ekonomicheskom diskurse v reformatorskom dvizhenii 1980-kh godov [The Origins of Russian Reformers and their Programme. Some Facts about Informal Economic Discourse in the 1980s]. *Mir Rossii*, no 1.
- Avraamova E., Loginov D. (2002) Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya: resursy i vozmozhnosti [Socio-economic Adaptation: Resources and Capabilities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4.
- Berger Ya.M. (2009) *Ekonomicheskaya strategiya Kitaya* [Chinese Economic Strategy], Moscow: Forum.
- Bockman J., Eyal G. (2002) Eastern Europe as a Laboratory for Economic Knowledge: The Transnational Roots of Neoliberalism. *American Journal of Sociology*, vol. 108, no 2, pp. 310–352.
- Bryant C., Mokrzycki E. (eds.) (1994) *The New Great Transformation?* London: Routledge.
- Buchowski M. (2006) The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic Other to Stigmatized Brother. *Anthropological Quarterly*, vol. 79, no 3.
- Buravoi M. (2010) «Opasnyy» klass kak spasitel' chelovechestva [Dangerous Class as a Savior of Humankind]. *Russkii Zhurnal*, 20.07.2010. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Opasnyj-klass-kak-spasitel-chelovechestva>
- Bourdieu P. (1984) *A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge MA: Harvard University Press.
- Chernysh M.F. (2008) O strakhakh i fobiyakh real'nykh i mnimykh [On Fears and Phobias, True and False]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 112-119.
- Crow G. (1997) *Comparative Sociology and Social Theory*, Basingstoke: Macmillan.
- Danilova E. (2012) Enquete on the Current Financial Crisis. *European Societies*, vol. 14 (2).
- Danilova E.N. (2012) Vyigravshie i proigravshie v rezul'tate reform v Rossii i Kitae [Winners and Losers of Reformation in Russia and China]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9.
- Danilova E.N. (2013) Balans individualistskikh i kollektivistskikh tennostei: sravnenie Sankt-Peterburga i Shankhaya [The Balance of Individualist and Collectivist Values: Comparison of Saint-Petersburg and Shanghai]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no 2.
- Dashevskii G. (2012) Velichie osoznaniya illyuzii [The Great Awareness of Illusion]. *Kommerstant Weekend*, no 45 (290), 23.11.2012.
- Dubin B. (2011) Simvoly vozvrata vmesto simvolov peremen [Symbols of Return instead of Symbols of Change]. *Pro et Contra*, no 5.
- Dudchenko O.N., Mytil' A.V. (2006) Adaptatsiya k peremenam: kto vyigral, kto proigral [Adaptation towards Changes: Who Won, Who Lost]. *Rossiyanie i polyaki na rubezhe vekov. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya sotsial'nykh identifikatsii (1998-2002 gg.)* [The Russians and the Poles at the turn of the Century. Comparative Study of Social Identifications (1998-2020)/ Danilova E.N., Yadov V.A. (Eds.)], St. Petersburg: RKhGA.

- Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obshchestv* [Global Capitalism: Three Great Transformations. Socio-philosophical Analysis of the Economy-and-Society Relationships], Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Femia J. (1981) *Gramsci's Political Thought: Hegemony, Consciousness, and the Revolutionary Process*, Oxford: Clarendon Press.
- Ferge Z. (1993) *Winners and Losers after the Collapse of State Socialism*, Canterbury: Social Policy Association.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish. The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Foucault M. (2006) *Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'y u 1970-1984* [Intellectuals and the Power. Articles, Interviews. 1970-1984], Moscow: Praksis.
- Girard R. (2012) *Kritika iz podpol'ya* [Critique dans un souterrain], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Glaz'ev S.Yu. (2012) Liberal'nye reformy v Rossii: pravda i vymysel [Liberal Reform in Russia: The Truths and Myths]. *Mir Rossii*, no 1.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., Petukhov V.V. (2012) Yubilei rossiiskikh reform: sotsiologicheskii diaгноз [The Anniversary of Russian Reform: a Sociological Analysis]. *Mir Rossii*, no1.
- Gramsci A. (1971) "The Intellectuals", in Selections from the Prison Notebooks. Translated and edited by Q. Hoare and G.N. Smith. New York: International Publishers. Available at: <http://www.marxists.org/archive/gramsci/editions/spn/problems/intellectuals.htm>
- Grigor'ev L.M. (2012) Khronologiya reform. Ekonomicheskie reformy kontsa XX v.: opyt i uroki noveishei istorii [A Chronology of Reform. Economic Reform of the Late XXth Century: Lessons and Experience from the Recent History]. *Mir Rossii*, no1.
- Grin S. (2011) Priroda nepodvizhnosti rossiiskogo obshchestva [The Nature of Immobility of the Russian Society]. *Pro et Contra*, no1-2 (51).
- Gumbert H. (2008) *What Difference Does the Cultural Turn Make?* Conference at the University of Michigan, Ann Arbor, December 5-7. Available at: http://www.ghi-dc.org/index.php?option=com_content&id=942&Itemid=837
- Haggard S., Kaufman R. (eds.) (1992) *The Politics of Economic Adjustment*, Princeton University Press.
- Harrison L. (2008) *Kto protsvetaet? Kak kul'turnye tsennosti sposobstvuyut uspekhu v ekonomike i politike* [Who are blossoming? How cultural values contribute to the success in economy and politics], Moscow: Fond "Liberal'naya missiya", Novoe izdatel'stvo.
- Harvey D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie* [A Brief History of Neoliberalism]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/harvi_kratkaja/03.aspx
- Hellman J.S. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. *World Politics*, vol. 50, no 2.
- Ionin L. (2010) *Apdeit konservatizma* [An Update of the Conservatism], Moscow: HSE.
- IS RAS (2011) *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov)* [Twenty Years of Reform in the Eyes of Russians (Long Experience of Sociological Measurements)]. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html.
- Khaitkulov R.G., Shestakov D.E. (2012) Rossiiskie ekonomicheskie reformy: istoriya evolyutsii kontseptsii [Russian Economic Reform: a History of Concepts' Evolution]. *Mir Rossii*, no 1.
- Kharkhordin O. (2011) *Osnovnye ponyatiya rossiiskoj politiki* [The Main Notions of the Russian Politics], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kolasa-Nowak A. (2010) *Zmiana systemowa w Polsce w interpretacjach socjologicznych* [Systemic Changes in Poland through Sociological Interpretations], Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej.
- Kolodko G. (2011) Novyi pragmatizm protiv rushashchegosya neoliberalizma [New pragmatism against crumbling neoliberalism]. *Open Economy*, 15.06.2011. Available at: <http://opec.ru/1362132.html>
- Lukes S. (2005) *Power. A Radical view*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

- Laclau E., Mouffe Ch. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, London: Verso.
- Latour B. (1987) *Science in Action*, Cambridge: Harvard University Press.
- MacIntyre A. (2012) Metodologiya sotsial'nykh nauk kak ideologiya byurokraticheskogo gospodstva [Social Science Methodology as the Ideology of Bureaucratic Authority]. *Demokratiya* 2, 9 Mars 2012. Available at: <http://democratiya2.ru/group/b087c882-3b61-4dad-a1c0-d33e97d916fb/content>
- Magun V.S., Monusova G.A. (2010) *Rossiiskie trudovye tsennosti v kontekste mezhdunarodnykh sravnenii* [Russian Labour Values in the Context of the International Comparisons]. Paper presented at the XI International Academic Conference on Economic and Social Development Problems, April 2010, Moscow.
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2008) Zhiznennye tsennosti rossiiskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeiskimi stranami . [The Life Values of the Russian Population: Similarities and Differences in Comparison with Other European Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 1 pp. 33–58.
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2010) *Bazovye tsennosti-2008: skhodstva i razlichiya mezhdru rossiyanami i drugimi evropeitsami* [Basic Values -2008: Similarities and Differences between the Russians and other Europeans]. Working paper WP6/2010/03, Moscow: HSE.
- Martrell L. (2010) *Sociology of Globalization*, Cambridge: Polity Press.
- Melegh A. (2006) *On the East–West Slope. Globalization, nationalism, racism and discourses on Central and Eastern Europe*, Budapest, New York: Central European University Press.
- Muller K., Pickel A. (2002) Smena paradigmi postkommunisticheskoi transformatsii [The Shift in the Post-socialist Transformations Paradigm]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9.
- Offe C. (1996) *Varieties of Transition*, Cambridge: Polity Press.
- Olson M. (1995) *Logika kollektivnykh deistvii: obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups], Moscow: Fond Ekonomicheskoi Initsiativy.
- Pligin V., Zubarev V., Fadeev V. (2013) Manifest rossiiskogo politicheskogo liberalizma [Manifesto of Russian Political Liberalism]. *Ekspert*, no 5 (837).
- Rukavishnikov V.O. (1994) Sotsiologiya perekhodnogo perioda: zakonomernosti i dinamika izmenenii sotsial'noi struktury i massovoi psikhologii v postkommunisticheskoi Rossii i Vostochnoevropeskikh stranakh [Sociology of Transition: Regularities and Dynamics of Structural Changes and Mass Psychology in the Post-communist Russia and Eastern European Countries]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 25-31.
- Said E.W. (1978) *Orientalism*, New York: Pantheon books.
- Schamis H.E. (1999) Distributional Coalitions and the Politics of Economic Reform in Latin America. *World Politics*, vol. 51, no 2.
- Scott J.G. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*, New Haven GT: Yale University Press.
- Therborn G. (1995) *European Modernity and Beyond*, London: Sage.
- Tikhonova N.E. (2006) Resursnyi podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Social Resource Approach as a New Theoretical Paradigm in Stratification Researches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9.
- Tikhonova N.E. (2012) Chelovecheskii potentsial rossiiskikh modernistov i perspektivy modernizatsii v Rossii [Human Potential of Russian Modernizers and Prospects of Modernization in Russia]. *Terra Economicus*, no 1, pp. 135-146.
- Todorova M. (1997) *Imagining the Balkans*, Oxford: Oxford University Press.
- Tsatsanis E. (2009) The Social Determinants of Ideology: The Case of Neoliberalism in Southern Europe. *Critical Sociology*, vol. 35, no 2. Available at: <http://crs.sagepub.com/cgi/content/abstract/35/2/199>
- Urinson Ya.M. (2012) Ekonomicheskie reformy: vzglyad iz Ministerstva ekonomiki [Economic Reform: a View from the Ministry for National Economy]. *Mir Rossii*, no 1.
- Wolff L. (1994) *Inventing Eastern Europe*, Stanford: Stanford University Press.
- Yadov V.A. (2001) Sotsial'nyi resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noi metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiiskom obshchestve [Social Resource of Individuals and Groups as their Capital: the Possibility of Applying the

- Universal Methodology of Inequality Research in Russian Society]. *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsessa* [Who Does and Where to Seek to Lead Russia? Actors of Macro, Meso and Micro Levels of the Modern Transformation Process], Moscow: MVSHSEN.
- Yakovenko I. (2012) *Rossiiskaya mental'nost' i vyzovy vremeni* [Russian Mentality and Current Challenges]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/5658>
- Zarycki T. (2009) Socjologia Krytyczna na Peryferiach [Critical Sociology on the Periphery]. *Kultura i Spoleczenstwo*, no 1, p.105-121.